

ДМИТРИЙ ГУБИН

ВЪЕЗДНОЕ & (НЕ)ВЫЕЗДНОЕ

ПО РОССИИ, ВНЕ РОССИИ

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА
020

Новое
Литературное
Обозрение

Дмитрий Павлович Губин
Въездное & (Не)Выездное
Серия «Письма русского
путешественника»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8886154
ВЪЕЗДНОЕ & (НЕ)ВЫЕЗДНОЕ : Новое литературное обозрение;
Москва; 2014
ISBN 978-5-4448-0344-8

Аннотация

Эта книга – социальный травелог, то есть попытка описать и объяснить то, что русскому путешественнику кажется непривычным, странным. Почему во Владивостоке не ценят советскую историю? Почему в Лондоне (да, в Лондоне, а не в Амстердаме!) на улицах еще недавно легально продавали наркотики? Почему в Мадриде и Петербурге есть круглосуточная movida, толпа и гульба, а в Москве – нет? Отчего бургомистр Дюссельдорфа не может жить в собственной резиденции? Почему в Таиланде трансвеститы – лучшие друзья детей? Чем, кроме разведения павлинов, занимается российский посол на Украине? И так – о 20 странах и 20 городах в описаниях журналиста, которого в России часто называют «скандальным», хотя скандальность Дмитрия Губина, по его словам, сводится к

тому, что он «упорядочивает хаос до уровня смыслов, несмотря на то, что смыслы часто изобличают наготу королей».

Содержание

От автора	6
По России	8
#СССР #Иваново	8
#СССР #Иваново #Россия #Петербург	33
#Нидерланды #Амстердам	
#Россия #Екатеринбург	42
#Россия #Нижний Новгород	47
#Россия #Нижний Новгород #Красноярск	57
#Россия #Волгоград	65
#Россия #Ростов-на-Дону	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дмитрий Губин

Въездное & (Не)Выездное

© Д. Губин, 2014

© ООО «Новое литературное обозрение», 2014

Приложение к maps.google.com

*Тексты, места, 20 городов, 20 стран, теги,
хэштеги, комментарии, бонусы*

От автора

Первую часть этой книги – «По России» – я хотел начать так: «Только русский человек так устроен, что терпеть не может Москву: наглуую, безвкусную, обобравшую и обожравшую всю страну. И только русский человек, получив малейшую возможность сбежать в Москву из своих Шуй и Кимр, немедленно сбегает...».

Эта часть объединяет тексты, где действие (за исключением главы «Москва, куриная нога») происходит вне Москвы. Полагаю, эти тексты могут быть интересны, например, немосквичам, которым любопытно, что именно про их Иваново (Питер, Волгоград, Краснодар, Красноярск) наплел этот Губин (вообще, вся моя книга – социальный травелог).

А вот вторая часть – «Вне России» – может пригодиться многим другим, потому что всегда много тех, кому интересно, что пишет о стране, в которую они собираются или в которой они побывали (или в которой подзадержались – порою на всю жизнь), профессиональный журналист. В этой части собраны и мои очерки о некоторых зарубежных проблемах – начиная с прав супругов в гражданском браке (common law marriage) и заканчивая законностью употребления галлюциногенных грибов – и их решениях, на которые я смотрю и применительно к России.

Больше всего текстов имеет отношение к Великобритании

(какое-то время я жил и работал в Лондоне на BBC World Service), однако доля внимания уделена Азербайджану, Белоруссии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Казахстану, Кипру, Китаю, Нидерландам, Норвегии, ОАЭ, Португалии, США, Таиланду, Украине, Финляндии, Франции и Швеции.

Знак # хэштега означает топографическую привязку, за тегами (tags) следует краткое содержание, comment – это комментарий, а слово «бонус» (bonus) предваряет текст, который можно использовать как путеводитель.

Для любителей сказок для взрослых в книге есть чертова дюжина абсолютно правдивых сказок про жизнь в Лондоне Романа Абрамовича (он, как мне сообщили, их прочитал).

Кажется, обо всем предупредил.

ДГ

dimagubin.livejournal.com

По России

#СССР #Иваново Ивановский самиздат

Этак можно продолжать и продолжать, ибо свершений ивановцев, как и всех советских людей, не счесть.

Владимир Кулагин, бывший редактор газеты «Рабочий край».

Теги: Илья Глазунов в роли диссидента. – Леонид Брежнев в роли стационарного зрителя. – Евгений Евтушенко в роли зала «Авроры».

Когда зима 1978 года перешла в зиму 1979-го, в областном городе Иваново произошло два события культурной жизни, всколыхнувших его обитателей и потрепавших тех, кто этому колыханию доверился.

Первым был приезд в город художника Ильи Глазунова, тогда еще не написавшего портрета Л.И.Брежнева, не удостоенного звания народного, не принятого в Академию Художеств СССР (хотя и принятого в Академии Мадридскую и Барселонскую). Илья Сергеевич привез вместе с собой выставку, которой отдали ряд залов ивановского художествен-

ного музея, потеснив на время одну из достопримечательностей текстильного края – черную и зубастую египетскую мумию, неизменно притягивающую в музей ребятишек. На пресс-конференции для ивановских журналистов Глазунов рассказал о своей любви к «русскому Манчестеру», о намерении построить в подчиненном Иванову Палехе новый музей для знаменитых лаковых панно и шкатулок – и выслушан был благосклонно. Отчет о встрече можно прочитать в ивановской газете «Рабочий край», название которой ехидные акселераты двух городских спецшкол, успевшие выучить считалочку про плаксу Вилли «Уай ду ю край, Вилли...», переиначивали (транслитерируя с английского словосочетания) как «Плачущий гегемон». При этом надо признать, что ивановцы в своей массе плохо представляли себе, кто такой Илья Глазунов, музеи посещали не иначе как на профсоюзных экскурсиях (не считая детских визитов к мумии), а потому никакого ажиотажа вокруг выставки первоначально не было, и только тонкая прослойка интеллигенции составляла хилую очередь в кассу.

Думаю, во всем дальнейшем следует винить именно эту прослойку: для наших интеллигентов вообще характерно заваривать кашу в благой надежде накормить весь мир, несмотря на то, что это мероприятие неизменно оборачивается для них же кашей березовой.

Но ивановская интеллигенция тогда о диалектике не думала и, видимо, слегка уязвленная немассовостью выставки,

начала проводить воспитательную работу: мол, посмотреть следует непременно, ибо Глазунов, как бы поточнее выразиться, художник не совсем официальный, а может быть даже совсем не официальный, его картины закупает заграница. На одном холсте у него нарисована очень красивая, но совершенно голая девица, перебирающая конверты пластинок Элвиса Пресли, являющегося, как известно, агентом ФБР; на другой под красным знаменем, привязанном к ракете, свиньи жрут трупы и возвращается к отцу библейский блудный сын; на третьей же картине, которая в Иванове не выставлена, но которая точно есть, лежит в кровавом гробу Сталин, — так что, выходит, просто удивительно и невероятно, что такая замечательная выставка устроена именно в нашем городе.

Агитация имела успех, и вскоре очередь в кассу заметно возросла, а потом вылезла и на улицу, а потом началось и вовсе столпотворение, не доводимое до размеров Вавилонского разве что стайкой людей в пальто цвета маренго, в сапогах и с бляхами. Тут уже пошло черт-те что, появились откуда-то непонятные свитерастые бородастые молодые люди, с видом знатоков утверждавшие, что выставляется Глазунов вовсе не по приглашению областного отдела культуры, а потому, что в Москве его персональную выставку зарубил секретарь Академии художеств Налбандян, сказавший: «Я никогда не повешу ваш ужасный картина» про то самое полотно, где Сталин в крови и Христос — в белом венчике...

Ясно стало, что назревает скандал.

Я тогда учился в восьмом классе и отрабатывал в себе, как мне тогда казалось, качества совершенно необходимой журналистской прохиндеестости, подрабатывая в «Плачущем гегемоне» фотоснимками и небольшими статейками. Хорошо помню это предгрозовое ощущение, когда фоторепортер «Гегемона», крючконосый, маленький и неутомимый Александр Дворжец сдавал в редакцию фотографию за фотографией, включая общий вид очереди, голую преслеивскую девицу и блудного сына, из чего в конечном итоге для публикации отбирался портрет детского писателя Михалкова, изображенного художником с взятым наизготовку пером перед стопкой абсолютно чистой бумаги, — ах, память моя фиксировала все, да мозг еще не осмыслял: как жаль, что только сейчас мне стала видна взаимосвязь людей и событий...

Ивановцы прекрасно знали, что скандалы нехарактерны для нашей системы и спешили посмотреть выставку, пока ее вместе с нехарактерностью не прикрыли. Все настолько были готовы к любой беде, что не случись ее, беду бы выдумали. Она же, как водится, пришла оттуда, откуда не ждали: в январе, чуть запоздав, городская «Союзпечать» доставила подписчикам декабрьский номер ленинградского журнала «Аврора». Подписчиков было немного, журнал прочитали не сразу, но потом все читавшие как-то разом заговорили об опубликованных в нем стихах Евгения Евтушенко

«Москва – Иваново»: говорили, между прочим, что врезал он нашим чинушам промеж глаз здорово; и что влетит же ему теперь за это; и что, молодец, поддал Жень Саныч пару всем, кто еще надеется освоить всякие там нечерноземные программы, – из одних только этих очень уклончивых реплик можно было понять, что «Аврора» допустила какой-то идеологический ляп, по сравнению с которым и скандальная выставка – так, мальчишеская шалость.

Впрочем, прежде чем объяснить, что за публикацию позволила себе редакция журнала, возглавляемого писателем Глебом Горышиным, необходимо ближе ознакомиться с жизнью Иваново конца 1970-х, чтобы у читателя не сложилось ощущения ивановской провинциальности, забитости и непросвещенности. Ей-богу, это было бы несправедливо по отношению к городу, давшему стране поэта Михаила Дудина, модельера Вячеслава Зайцева и каждый третий метр хлопчатобумажной ткани.

Итак, следует сказать, что город Иваново тогда отнюдь не был дремуч ни в культурной, ни в иных сферах. Работали два театра, и строился, отмечая пятидесятилетие строительства, третий, некогда заложенный на месте стертого с лица земли монастыря. Под монастырем, как выяснилось впоследствии, протекала подземная речка, в которую опускался плотинообразно театр по мере своей постройки. Несмотря на такую сложность, строительные организации приобретали мало-помалу гидротехнический опыт, периодически приоста-

навливая театральное падение и опускание. Решалась успешно жилищная проблема, было возведено несколько двенадцатиэтажных домов, и на улице Станционной предполагалась закладка шестнадцатиэтажного. Любопытно отметить, что еще до начала работ место постройки первого ивановского небоскреба было увековечено открытием памятника Генеральному секретарю ЦК Л.И. Брежневу – это, конечно, было почином, нашедшим в стране самый горячий отклик. Памятник представлял собой дымчато-мраморное сооружение, напоминающее одновременно развернутое знамя и раскрытую книгу, левую страницу которой занимал выполненный маслом портрет Л.И. Брежнева, а правую – его цитата бронзового литья. По мысли отцов города, шестнадцатиэтажная махина должна была произрастать прямо из этого иллюстрированного издания, как бы намекая на то, что каждому делу предшествует партийное слово.

Правда, не обошлось без рецидивов неосознанности: отдельные граждане не только прозвали, в силу топографической привязки, памятник вождю «станционным смотрителем», но и несколько раз пытались изничтожить иллюстрированную часть. Тогда возле памятника появилась будка со спецтелефоном (с трубкой, но без диска), а возле будки день и ночь стали прогуливаться все те же граждане в пальто цвета маренго, образующие маленькое, но чрезвычайно действенное общество охраны памятников...

Замечу еще, что проблема снабжения продовольствием,

то есть отсутствия снабжения, затронула Иваново меньше других городов. Конечно, ни масла, ни колбасы, ни мяса ивановцы в магазинах не видели, поскольку вкусные и полезные продукты исчезли, а карточки на них не появились, плохо, кроме того, было с молоком и сметаной; но зато всегда в продаже были пельмени и куры. Это выгодно выделяло Иваново в ряду других областных центров, как выделялся в свое время середняк на фоне безлошадников. Во всяком случае, если ивановские автобусы можно было заметить у московских универсамов, то возле ивановских продмагов можно было заметить автобусы костромские и ярославские.

Это, конечно, самый общий абрис ивановской жизни. Пора возвращаться к поэту Евгению Александровичу Евтушенку и его искусству, потребовавшему от ивановцев самых настоящих жертв.

Итак, в декабрьской «Авроре» было помещено стихотворение Евтушенко «Москва – Иваново», где поэт описывал поездку в город славных текстильных традиций в «нескором поезде», вагоны которого битком набиты людьми, которых «зажали как в тиски апельсины микропористые – фрукты матушки-Москвы», а также «порошок стиральный импортный, и кримплен, и колбаса». Сам Евтушенко едет в купе, с ним трое попутчиков, которые дремлют, но продолжают и во сне охранять с боем раздобытое в Москве добро:

Прижимала к сердцу бабушка

ценный сверток, где была
с растворимым кофе баночка.
Чутко бабушка спала.
Прижимал командированный,
истерзав свою постель,
важный мусор, замурованный
в замордованный портфель.
И камвольщица грудастая,
носом тоненько свистя,
принимала государственно
свое личное дитя.

Поскольку сам Евтушенко был поэтом, то вез с собой
нечто нематериальное: он

...Россию срединную
прижимал к своей груди, —

в чем можно видеть лирический перегиб, но можно — и
весьма важное отличие провинциала, занятого проблемой
поиска хлеба насущного, от москвича, решившего проблему
снабжения всерьез и надолго.

Ох уж этот нескорый поезд № 662! Я изучил его, пока был
студентом, вдоль и поперек и навеки запомнил, какое зре-
лище он представляет даже в купейном варианте, не говоря
уж про общие вагоны, где с третьих полок капает на вторые
оттаявшее в поезде мясо, где люди сидят голова на голове
и две соседки ночь напролет спорят, сколько зарабатывает

Пугачева и стухнет колбаса «Останкинская» до Иванова или же обождет...

Так что мне весьма понятны чувства Евтушенко, вопрошающего:

Мы за столько горьких лет
заслужили жизнь хорошую?
Заслужили или нет?

Как понятны и чувства ивановцев при чтении этих стихов: это была еще не вся правда, поскольку ответ на вопрос «заслужили или нет?» давался слишком неопределенный: «Что исполнится, то вспомнится кем-нибудь когда-нибудь», – но уже ее попытка. А так как ивановцы жаждали если не плана действий, то определенности, то они прочитали всю стихотворную «авроровскую» подборку, и вслед за «Москвой – Иваново», через типографский знак, называющийся типографскими рабочими неопределенно-любовно «бубочкой», прочли еще одно стихотворение из шестнадцати строк, которое мне хочется привести полностью. В силу неопределенности постановки бубочки было совершенно непонятно, следует считать шестнадцать строк отдельным стихотворением или как бы прицепным, дополнительным вагоном, также прибывшим в Иваново, и ивановцы решили, что – прицепным:

Достойно, главное, достойно

любые встретить времена,
когда эпоха то застойна,
то взбаламучена до дна.
Достойно, главное, достойно,
чтоб раздаватели щедрот
не довели тебя до стойла
и не заткнули сеном рот.
Страх перед временем – паденье.
На трусость душу не потрать,
но приготовь себя к потере
всего, что страшно потерять.
Но если все переломалось,
как невозможно предрешить,
скажи себе такую малость:
«И это можно пережить...»

Эти шестнадцать строк были, таким образом, все-таки некоторой попыткой программы социального поведения, и я, право, удивляюсь, как они могли быть напечатаны в 1978 году – мне почему-то кажется, что их непросто было бы напечатать и сейчас...

Соединение поэтического и социального должно было, вследствие превышения критической массы, вызвать в Иванове взрыв. И вызвало.

Первый ответный залп по «Авроре» сделал работавший в то время первым секретарем Ивановского обкома КПСС Виктор Ключев. На информационной встрече идеологического актива области 17 января 1979 года он, по поздней-

шему сообщению «Плачущего гегемона», сурово заметил: «Осмысливать настоящие жизненные явления и измышлять их во сне – вещи разные».

Это разгромное выступление, вызвало, разумеется, противоположный эффект: весь идеологический актив кинулся раздобывать «Аврору», ставшую вмиг сверхдефицитной, и стихи Евтушенко переписывались, заучивались наизусть, перепечатывались на машинке, ксерокопировались, ротапринтировались, перефотографировались... Пусть будущий ивановский историк отметит это время как начало ивановского самиздата, когда к 169 тысячам экземпляров центрального тиража «Авроры» прибавилось несколько тысяч тиража местного.

И это был не единственный вид творчества масс, который пробудила литературоведческая речь первого секретаря.

Спустя некоторый срок одним из ответных творений стало выступление в «Плачущем гегемоне» его редактора Владимира Кулагина, занявшее половину полосы девяносто пятого номера газеты и потеснившее даже традиционное обсуждение бестселлера тех лет «Целина» – подобно тому, как Глазунов вытеснил в художественном музее мумию. Если Владимир Клюев давал стихотворению общую оценку, то Владимир Кулагин шел дальше. Евтушенко был дан бой по всем пунктам: объявлялось, например, что в своей давней поэме «Ивановские ситцы» святое для всей России слово «Иваново» он рифмует со словами «пьяново», «рваново»,

«надуваново», по существу ставит между ними знак равенства; что картина быта и нравов поезда № 662 «нетипична»; что «область и страна хорошо знают и любят других камвольщиц»; что бабушка с баночкой кофе «карикатурна»; что командированный вез никакой не «мусор», а «планы обновления наших полей в свете постановлений партии и правительства», – отлуп, как говаривал дед Щукарь, был полнейший.

Единственным неоспоренным тезисом Евтушенко остался, кажется, лишь тезис о грудастости ивановских камвольщиц: подозреваю, что Владимир Кулагин, конечно, видел за этим неприличный, сексуально-прозападнический намек, но все же не решился выставить антитезу об антигрудастости – как не соответствующую народному типу телосложения. Спорить с Евтушенко в этом вопросе было щекотливо, а все редакторы щекотки боятся.

Другим откликом было стихотворение анонимного автора, начавшее бурное хождение по рукам горожан и известное под названием «Ответ Евгению Евтушенко», уже своим заголовком как бы намекающее на возможность в наше суровое время продолжения стихотворно-эпистолярного жанра (ивановский стихотворец – московскому мэтру) или даже провоцирующее Евтушенко на очередной полемический выпад. Заранее прошу прощения за обильное цитирование, но оно совершенно необходимо: достать ныне «Ответ» гораздо сложнее, чем подшивку «Авроры» или «Плачущего гегемо-

на».

Композиционно «Ответ Евтушенко» делился на две части, констатирующую и полемизирующую, причем основная, констатирующая, была написана слегка хромающим пятистопным ямбом, который нередко использовал (хотя и без хромоты) Александр Пушкин для создания шедевров лирики – например, «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Вначале неизвестный литератор констатировал расклад сил:

Смотрю на строки, что с таким гореньем
Евгений Евтушенко написал,
которые с не меньшим вдохновеньем
на партактиве Ключев изругал.
За что ругал – мне не совсем понятно:
что здесь пасквильного и кто из них неправ?

Пасквильного, по мысли автора «Ответа», и впрямь не было, ибо когда голодает страна – это трагедия, а не пасквиль, в доказательство чего в следующих четырех строках давал развернутое описание ивановской жизни, нищей и сирой, но завершал его на контрапункте, оптимистично и в мажоре:

Вот в Ярославле, говорят, соседнем,
за молоком – так в пять утра встают,
а мясо – может, врут, но только в среднем
по килограмму в год всего дают.
А Кострома совсем оголодала...
Да что и говорить, неплохо мы живем...

И за этим «мы» стояли непереводающиеся в Иванове куры и пельмени, а также укор мастеру: уж если ивановцы способны в своей жизни видеть светлые стороны, то не Евгению Александровичу жаловаться за них.

И аноним переходил от скрытой иронии к иронии менее скрытой:

Зачем же патриотом притворяться,
шуметь, кричать, в грудь кулаком стучать,
змеей шипеть и по углам шептаться?
Достал – и съел. И много не болтать, –

после чего пятистопный неспешный ямб заменялся четырехстопным, употреблявшимся Пушкиным для послания «Во глубине сибирских руд», и неизвестный стихотворец указывал на беды, которые могут последовать от разговоров во весь голос:

Ты, Женя, говоришь: «достойно»,
когда крушится все кругом,
а сколько было их, достойных,
в тридцать седьмом? тридцать восьмом?
Так как «достойно»? Где решение?
Давно народ в набат не бил?
«Храните гордое терпенье...»
Об этом Пушкин говорил...

А завершался «Ответ» опять-таки ироническим советом Евгению Евтушенко подобных стихов не писать, поскольку столичная безопасность не чета ивановской реальности:

Поэтому не трогай душу,
ведь ты поэт, и не понять,
что я почти совсем не трушу –
свободу жалко потерять...

Чуть забегаю вперед, скажу, что как в воду глядел безымянный автор!.. Но пока все было спокойно, и только листки с «Ответом» носились туда-сюда по Иванову, размножаясь со скоростью мушки дрозофилы. Эти чуждые генетические штучки должны были непременно аукнуться, но тогда все только перекрикивались, и я сам в один прекрасный день раздобыл разом три списка «Ответа»: один – в комитете комсомола своей школы, второй – в редакции «Плачущего гегемона» (там его распечатывало в пять закладок все машбюро), а третий принес из института мой отец, заметивший, что есть во всех этих самодельных ответах что-то непрофессиональное, но пушкинское... лермонтовское... что-то от зари отечественной бесцензурной литературы.

Два листка я пустил в множительный оборот, а третий зачитывал кому ни попадя, одноклассникам и старшим приятелям, давал, кажется, кому-то из учителей, и чувствовал себя – скажем так – «частицей общего дела», какого именно – ей-богу, тогда бы я не ответил.

Все прекратилось в один день (забавно, что неофициальная информация доходит до всех одновременно, будто копится-копится за плотиной, а потом прорывает: в один день стал популярен в Иванове Глазунов, в один день стал он скандален, в один день все узнали про Ключева, про «Аврору» и так далее...) – точнее, в один вечер, я запомнил его особенно хорошо. Отец пришел с работы позже обычного и вошел ко мне в комнату странной для него, какой-то военной походкой.

– Где Евтушенко и этот... – он попытался щелкнуть пальцами, но не получилось, так что отец поморщился, – ответ?

Я пожал плечами, и тогда отец развернул меня лицом к себе и, крепко взяв за плечи, очень медленно произнес глаза в глаза каким-то подчеркнуто безразличным голосом:

– Ты кому-нибудь... давал это читать?

Подобное обращение было совершенно не принято в нашей семье, так вели себя только герои «мужских» сцен очень плохих фильмов, ежедневно показываемых по второму каналу телевидения, и от этой неестественности я почувствовал холодок и так же неестественно-безразлично соврал:

– Не-е-ет... Ты что?

А дальше в моей памяти следует десятиминутный провал, и всплывают лишь отдельные фразы:

– Ты никому... потому что может быть самое худшее... и на работе... Чернявская... арестовали... машинистку... в «серый дом»... расширенное... парткома... я прошу тебя...

И я, чувствуя, что в дом приходит что-то беспощадное, постороннее, трясущимися руками отдал несчастный список стихотворений, которые к тому времени заучил наизусть, и отец взял листки и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, а через десять минут вошел и нормальным голосом сказал, что я уже большой и должен понимать некоторые вещи, что в институте только что окончился закрытый партком, на котором человек из горкома объявил «Ответ Евтушенко» диверсией с душком, не без усилий диссидентуры, что виновные в распространении понесут ответственность, что заведующей кафедрой иностранных языков Ирине Ивановне Чернявской, где-то прочитавшей ответ и кому-то давшей почитать, уже вынесли «строгача» и что какая-то машинистка, размножавшая диссидентское произведение, арестована и доставлена в «серый дом», как, впрочем, и ряд других лиц, и что времена могут быть всякими, и нужно быть готовым. Ты же читал про это у Эренбурга... Достоинно, главное, достойно...

И, кажется, чувствовался запах жженой бумаги.

Я думаю, это и есть кульминация истории ивановского самиздата: не повсеместные экстренные закрытые партсобрания, не упорные разговоры о заведенных делах по статье «антисоветская агитация и пропаганда», а разговор в комнате двухкомнатной кооперативной квартиры с невыплаченным паем, когда мой отец, кандидат наук и доцент, проживший за границей, написавший и издавший на французском

языке несколько учебников, поклонник Матисса и Модильяни, идет в кухню сжигать стихи в тигельной фаянсовой чашечке... Или я нафантазировал про сжигание? А отец просто порвал их и выкинул в мусорное ведро?

Теперь неважно. Зимой 1979 года я видел отца в особую минуту, и больше таким не увижу никогда. С первым теплом все Иваново опять как-то вдруг заговорило о том, что весть об ивановских карательных акциях докатилась до Москвы, «первого» вызывали на ковер и дали нагоняй за «перегибы», все прощены, и дела замяты.

Трудно сказать точно, как там было на самом деле.

ЭПИЛОГ

Осталось рассказать только о дальнейших судьбах людей, так или иначе оказавшихся причастными к истории ивановского самиздата.

С Ильей Сергеевичем Глазуновым я познакомился позднее, в Москве, когда, учась на журфаке, брал одно из первых в своей жизни интервью. Визируя интервью, Глазунов вдруг пригласил меня позировать для его картины под названием «Похороны», которая огромными своими размерами занимала половину его немаленькой мастерской, не вмещаясь в нее, как не вмещалось «Утро стрелецкой казни» в мастерскую Сурикова. На прописанном заднем плане низкое небо давило серые серийные дома, сжатые еще и черной лентой

московской кольцевой автодороги, а на переднем лежала в гробу возле вырытой могилы на старом, с мраморными ангелами, кладбище старушка. Ее осенял крестом священник, а рядом скорбели родственники и просто люди – рабочие, интеллигенты, военные, дети, служащие... Поскольку с меня предполагалось писать фигуру наглухо заджинсованного фотографа, запечатлевающего этот апокалипсис, я спросил, что символизирует старушка. Аристократическим голосом, в который вкрадывалась мешающая, дребезжащая нотка, как будто это был не голос, а чашечка гарднеровского фарфора, давшая трещинку от небрежного хранения, Глазунов ответил:

– Кого хоронят, кого хоронят... Россию-бабушку, советскую власть хоронят, – и, поскольку стояли времена позднего застоя, я, подумав, позировать согласился, хотя мой вид на картине – в три четверти со спины.

С художником Глазуновым я с тех пор не встречался, хотя по сообщениям газет знаю, что он по-прежнему пишет, как, впрочем, и поэт Евтушенко, только один – картины, а другой – стихи.

Редактор «Плачущего гегемона» Владимир Кулагин, призывавший в свое время кару на головы как Евтушенко, так и руководства «Авроры», вынужден был уйти на пенсию где-то при Андропове.

Впрочем, кара журнал «Аврора» все-таки постигла: ровно через три года после истории со стихами Евтушенко вы-

шел декабрьский номер журнала за 1981 год, вторую страницу которого украшала картина уже известного читателю придворного живописца Налбандяна, называвшаяся «Выступление Л.И. Брежнева на конференции в Хельсинки. К семидесятипятилетию Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума...» Но кара, конечно, постигла не за тиражирование более чем посредственной картины, а за публикацию в том же номере рассказа ленинградского писателя Виктора Голявкина. Сам по себе рассказ был безобиден, он высмеивал абстрактного литературного начштаба, но, во-первых, назывался «Юбилейная речь», а во-вторых, занимал ровно семьдесят пятую страницу журнала. Рассказ начинался так: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится...» – и заканчивался опровержением слуха о смерти писателя: «Радость была преждевременна. Но я думаю, что долго нам не придется ждать. Он нас не разочарует. Мы все верим в него. Мы пожелаем ему закончить труды, которые он еще не закончил, и поскорее обрадовать нас».

Увы, одним из нравственных последствий правления Брежнева было превращение его смерти в фарс еще при жизни. Ведь он «умирал» не единожды, и помню, что, когда 11 ноября 1982 года я пришел на лекции и услышал, что «Леня гигнулся», то машинально спросил: «Как, опять?» Ясно, что половина страны не могла устоять перед соблазном сохранить для себя 75-ю страницу и вновь ксерокопировала,

переснимала... Это была вторая, уже всесоюзная волна журнального самиздата, которая, прокатив по стране, оставила как минимум три последствия:

- 1) заведующая редакцией научилась отвечать иностранным корреспондентам, требующим «мистера Горышина», что «мистер Горышин рестс он дача»;
- 2) ответственный секретарь «Авроры» Магда Алексеева была уволена «за антиредакционную деятельность»;
- 3) сам Глеб Горышин ушел с редакторского поста по собственному желанию.

Разгромленная «Аврора» почти потонула, уменьшив тираж до минимального в 105 800 экземпляров, но потом выравнилась и стала идти нюх в нюх со «Знаменем»: полмиллиона. Была история с рассказом Голявкина умышленной или случайной – точно сказать в «Авроре» не может никто, за что я ручаюсь по той причине, что сам работаю в этом издании, давно покинув Иваново.

После смерти Брежнева (некролог в «Авроре» был поставлен ровно через год после «Юбилейной речи», опять-таки в декабрьский номер – есть все-таки у моего журнала определенная любовь к декабрю...) и вышедшего наружу дела министра внутренних дел Щелокова в Ивановском управлении внутренних дел сочли, что содержать круглосуточно общество охраны памятников накладно, и людей с портупеями убрали от «станционного смотрителя» вместе с будочкой. Одновременно пришлось заняться и перестройкой:

портрет генсека заменили гербом СССР, а бронзовую цитату – бронзовым куплетом гимна. Единственный памятник государственной атрибутике в стране! Ивановцы могут этим гордиться – как, впрочем, и завершением двадцатилетней реконструкции гигантского театра: тот перестал уходить под воду и, пережив всего-навсего один пожар, принимает зрителей.

После превращения «станционного зрителя» в памятник атрибутике Владимир Григорьевич Ключев оставил пост первого секретаря ивановского обкома и стал министром легкой промышленности страны. Говорили, что именно он способствовал изданию на русском языке журнала «Бурда», и если это действительно так, то это мирит с ним не только ивановских женщин, но и меня.

Ирина Ивановна Чернявская по-прежнему работает в Ивановском химико-технологическом институте, выговор снят с нее за сроком давности, но вспоминать об истории со стихами она не любит.

А мой отец в августе 1980 года вышел на прогулку перед сном и был убит на центральной улице города шестнадцатилетним мальчишкой, позарившимся на его американские джинсы, выпуск которых никак не могла освоить наша легкая промышленность. Впрочем, по некоторым сведениям, это был не один мальчишка, а несколько, – ивановская милиция, занятая более важными задачами, так и не смогла раскрыть дела, и мама писала жалобу министру внутренних

дел Щелокову, но о Щелокове я уже написал выше...

Ничего мне неизвестно и о судьбе той женщины-машинистки (или, опять-таки, нескольких женщин), что решились перепечатать понравившийся им «Ответ Евтушенко». Порой мне кажется, что все разговоры о приводах и допросах – плод общественного воображения, но некоторый опыт времени да рассказы лиц, наотрез отказавшихся от появления в печати их фамилий, убеждают, что это не так. И тогда я думаю – что должна была чувствовать эта машинистка, доставленная в комитет государственной безопасности, что говорить и от чего отречься, – как думаю и о том, что должен был чувствовать мой отец, когда велел немедленно уничтожить мой самиздатовский список. Право, мой тогдашний детский страх не идет в сравнение со страхом этих людей, и от этого мне становится еще печальнее.

Хотя совсем в миноре завершать бы не хотелось. Многие отрадные моменты можно отыскать в жизни того же Иванова сегодня. Например, масло по карточкам получают уже все без исключения несовершеннолетние граждане города. А пельмени до сих пор продаются без карточек, и их завалили в любом магазине. Если купить пельмени и завернуть их в десяток целлофановых пакетов, то они великолепно перенесут ночь в поезде до Москвы, где пельменей пока в недостатке – и, право, мне очень странно, почему приезжающие в командировку москвичи так не делают.

КОММЕНТАРИЙ

«Ивановский самиздат» был опубликован в коротичевском «Огоньке» – и я тут же стал лауреатом премии этого журнала (а было мне 24). Причем одним списком вместе с Петрушевской, Алексиевич, Адамовичем, Сергеем Хрущевым и полузабытыми ныне следователями-правдоискателями Ивановым и Гдляном. Денег лауреатам не платили. Но работавший в «Огоньке» Валя Юмашев (еще не ведавший, что станет главой президентской администрации и женится на дочке Ельцина) позвонил и сказал: «Старик, мы хотим, чтобы ты был в Ленинграде нашим собкором. Ты сделаешь величайшую глупость, если откажешься». Я согласился.

Второй раз он повторит фразу о «величайшей глупости» отказа в 1990-м, предложив обработать мемуары «одного очень важного человека». Я тогда только женился и собирался проводить медовый месяц на Черном море. А под «важным человеком», как впоследствии выяснилось, подразумевался Ельцин, – но я до сих пор полагаю, что поступил правильно, потому что знаю, как переломались судьбы тех, кто решил поиграть во власть или с властью.

В Иванове я редко, но бываю. Там многое изменилось: например, текстильные фабрики превратились в шопинг-моллы. Но там по-прежнему живет моя мама – в этом году ей

исполняется 74 года. Поезд из Москвы до Иванова ходит все с той же регулярностью и все с той же скоростью.

2014

#СССР #Иваново #Россия #Петербург #Нидерланды #Амстердам Жизнь за царя

Теги: Настоящие ивановские пацаны. – Фальшивые голландские гопники. – Всеобщий эквивалент цены жизни.

Я – русский человек.

То есть, будучи настроен критически по отношению к своей нации (которая после шести веков деспотии, рабства и, по формуле ознакомившегося с деяниями советской власти Эйнштейна, «трагедии человеческой истории, в которой убивают, чтобы не быть убитыми» – дает для критики поистине русский простор), я обладаю теми чертами, какие сам и ругаю.

Ну, например, я с легкостью переношу во внешний мир, полагая универсальным и повсеместно распространенным тот склад жизни, который только и сложился, что в моей банке с пауками (где я – один из пауков).

Например, я с детства был уверен, что настоящий мужчина должен доказывать честь и достоинство в прямой простой драке – тогда, когда встречает против себя прямой и простой напор.

Искренне полагал. Хотя рос болезненным, тщедушным и рано очкастым мальчиком, представляя собой плохо зато-

ченный под драку инструмент.

А вокруг меня был город Иваново, с мешаниной параллелепипедных пятиэтажек, застилавших небо едким паром фабрик и деревянных домов «частного сектора».

Я рос во дворе, образованном пятиэтажкой и задами этого сектора, уклоняясь сколько возможно от драк и невероятно страдая от уклонения (тогда мне было еще не известно слово «рефлексия»). Ни у одного ивановского мальчика, даже у последнего еврейского задроты со скрипочкой в руках – да будь он трижды будущий Кремер! – не было шанса избежать двора.

Внутри своей компании во дворе не дрались, но две оставшки влево, вправо, вверх или вниз от центра мира приводили в новый мир, где к тебе подходили цыкающие слюной мальчишки, спрашивали двадцать копеек и били морду просто за то, что ты пересек границу, отправившись в магазин «Юный техник» за пилочками для лобзика, надеясь втайне, что в продаже будут те, что на концах содержат гладкую плоскость, а не те, что по всей длине состоят из зубчиков. Потому что те, из сплошных зубчиков, имели паскудное свойство гнуться туда-сюда при пилке фанеры.

И я дико боялся, конечно, пацанов из других миров, и презирал себя, но сомнению подвергал не справедливость такого мира, а лишь собственную смелость. Однажды возле моего двора из сугробов и тьмы материализовался разивший сивухой детина лет эдак семнадцати. Он молча приблизился

и деловито дал мне меж глаз. Очки разлетелись вдребезги, шапка взмахнула крыльями кроличьих ушей, я, захлебываясь слезами, рванул домой и, двенадцатилетний, в истерике катался по полу – и отказался идти искать шапку даже вместе с отцом и дедом. Они потом нашли ее без меня. Жуткая та была ночь перед Новым годом. Я встретил его, упрекая и укоряя себя, принимая решение с утра 1 января накачивать мускулы, – за неимением гантелей утюгами, как делал когда-то Борис Лагутин, боксер и олимпийский чемпион, о чем я вычитал в подаренной на Новый год книге «Мужчинам до 16 лет». Утюги в нашу с Лагутиным эпоху действительно были еще тяжелы.

Эта мучительная рефлексия с неизменным самооговором тащили меня по жизни долго (драк я не так и не смог избежать, и дрался, некрасиво выбрасывая вперед руки, чтобы защитить лицо, лет примерно до девятнадцати), пока банка с пауками не разбилась вдребезги, как мои детские очки, – от пинка Горбачева.

В новой реальности, помимо прочего, появились ночные рестораны и поездки за границу.

В Голландии я жил у своего друга Игоря Drozdov'a, который делал первые шаги к иногражданству, то есть уже щебетал щеглом на языке, вмещающем чуть не две дюжины вариаций звуков «х», начинающих царапать ухо сразу в аэропорту Сксх-х-хипхол. В один прекрасный день мы прогуливались вдоль амстердамского канала Кайзерсграхт, когда

к нам подвалила группка из человек пяти страшномордых парней в прошипованных «косухах» и таких же напульсниках, с банками пива в руках. Я с тоской ощутил чувство, которое мужчины в подобных ситуациях никогда не называют вслух: не обоссаться бы. Страшномордые что-то гаркнули. Drozdov ответил хрипяще. Они отвалили, вскинув руки в салюте: спасибо, братан! «Спросили, который час», – равнодушно сказал Игорь и, взглянув на мою физиономию, расхохотался: «Эти здесь абсолютно безопасны!».

Мы были тогда беззастенчиво, лихо бедны. Вместо одеяла Drozdov выдал мне бархатное красное знамя в имперском шитье, славящее передовиков труда. Он вывез уцененный на родине стяг, надеясь в Голландии хорошо толкнуть, но тут Горбачев ввел в Вильнюс войска, и цена империи в глазах Европы упала. Перед сном Игорь рассказывал о технологии устройства местной жизни, и я запомнил совет: относиться к любой трате свыше 20 долларов как к инвестиции (подняв планку до 50 долларов, я нахожу его и сейчас не утратившим оценочной силы).

Спустя лет пять Drozdov приехал в выкатившуюся из СССР Россию – главой торговой площадки голландского банка, между прочим. Ему полагались машина и дача в «Жуковке-2». У меня жизнь тоже неслась ракетой вверх, в Питере я расселил большую коммуналку... Drozdov приехал ко мне на выходные и смотрел вместе со мной, как сквозь заклеенные скотчем битые стекла окон, на фоне подсвеченных лу-

ной облаков, проступал шпиль Петропавловки. «Тебе нужны будут декоратор и архитектор, – сказал Игорь. – Слишком большая квартира. У тебя есть вкус, но нет опыта применения вкуса. Жаль будет все испортить».

Под оперными облаками с луной мы поехали в ночной бар «Трибунал». Игорь встретил там каких-то голландцев, они зашхрипели. Я наслаждался жизнью, в которой есть все – бельгийское пиво, Петропавловка в окне, не закрывающиеся в ночи рестораны – и пропустил момент, когда в интонациях разговора что-то тяжело переменялось. К столику подвалили какие-то русские – кажется, бизнес-партнеры голландцев. Впрочем, тогда все были бизнес-партнерами. Партнеры громко и нервно говорили на дурном английском, посылая речь, как перцем, словом fuck, и в итоге схватили Игоря за пиджак.

«Секундочку», – сказал я и, поманив официанта, шепнул ему на ухо: «Позови начальника вашей секьюрити, быстро». Я был в восторге от владения новой техникой эффективного гашения публичного конфликта, а точнее, достижения справедливости. Я далеко ушел с ивановского двора.

Когда нервные на секунду отодвинулись от стола, я сказал Игорю, чтобы он не волновался, что все будет улажено в лучшем виде, но Игорь кивнул нервным мужикам – «Мы отойдем на минуту!», неспешно повлек меня из-за стола, но не в туалет, а к гардеробу, где мгновенно схватил куртки и выставил меня наружу, с размаху швырнув в нутро «жигу-

лей» застывшего в ожидании Годо бомбилы.

«Ты поступил трусливо и несправедливо, – сказал я в машине Drozdov’у. – Испортил мне вечер. Пришла бы охрана, разобралась бы. А хамов надо наказывать». – «Извини, – ответил Drozdov. – Я просто оценил риски. Наши головы против их голов. Я отвечаю за представительство банка и за деньги клиентов, а еще за свою семью. А если у этих был кастет или нож?» – «Они теперь думают, что мы позорное дрефло». – «Знаешь, мне абсолютно плевать, что эти там обо мне думают».

Я понимаю, что он говорил, как колонизатор об аборигенах, но не мог не признать, что сила логики была на стороне колонизатора (а на какую силу еще опираться, когда под рукой нет силы оружия?).

Я с того дня много-много-много чего пережил, и не пишу «много лет» только потому, что глупо измерять жизнь оборотами планеты вокруг звезды, как и оценивать жизнь днями, – всерьез полагая их всеобщим, то есть абсолютно на все сферы жизни распространяющимся, эквивалентом.

И, кстати, довольно многое в своей жизни забыл.

Но ивановские дворы, голландский разговор про 20 долларов и бегство из «Трибунала» помню хорошо.

В природе, хочется мне сказать, подводя некий промежуточный итог жизни, нет понятия справедливости, нет понятия добра и зла, нет никакой морали. Более того: в природе у жизни нет никакого смысла и, как следствие, цены.

Все оценочные категории привнесены в мироустройство исключительно человеком, и оценочных шкал – как и систем морали – количество такое, что голова кружится, как от вида неба в звездную тихую летнюю ночь. Потому что вариантов жизненного устройства на Земле бесчисленное количество. И сила мужчины не в том, чтобы биться с врагами в рамках тех координат, в которых родился, а понять границы своей географии, за пределами которой начинаются другие координаты, в которых твои враги оказываются просто несчастными сопливыми мальчишками, которых родители произвели по залету в городе Иваново, и он, есть ощущение, тоже был создан по залету, как многие тяжелые несчастливые русские города.

И тогда окажется, что все эти отчаянно пацанские «жить – Родине служить», «жизнь – Родине, честь – никому» – такая же фальшивая система, если уверовать в нее как единственно возможную. У нас низка цена жизни и велик процент драк с поножовщиной не потому, что мало зарабатывают, много пьют или что в русской ДНК образовалась прореха. А потому, что на всех распространяется единственная система координат, при которой во главе царь, а остальные принадлежат царю, и жизни их принадлежат царю, и цену их жизням дает царь, а до кого не долетит взор царя, тому и ярлычка с самой малой ценой не приклеить, вот и живут они свой коротенький век низачем и никак, цепляясь за то, что совсем уж бессмысленно на других берегах, то есть за величие тро-

на, деликатно прозываемого словом «отчизна».

Сильный мужчина – не тот, кто обхватил близрастущее дерево и бьется за ветви и корни до последней капли крови и падает, бездыханный, в борьбе. Это как раз слабый, неповзрослевший мужчина. Сильный мужчина – тот, кто идет по лесу и изучает его, а потом выходит из леса и обнаруживает еще и поля, реки, моря, заснеженные шапки полюсов, движение планет, созвездий, Вселенную, и пытается понять их законы, и уклоняется от опасности, а понятие «справедливость» трактует исключительно в применении себя самого.

То есть наполняет свою жизнь смыслом миссии путешественника, чем придает ей цену.

Только это цена выражается не через деньги, а через объем познанной Вселенной.

Хотя это и не означает, что стоимость экспедиции – включая защитный шлем и ремни безопасности – невозможно или не нужно включать в жизненную смету, заведомо, вне цены, расценивая как инвестицию.

2011

КОММЕНТАРИЙ

Этот текст был написан по заказу журнала «Медведь» – точнее, по просьбе тогдашнего главреда Бори Минаева, с которым я знаком тьму лет и даже вместе работал в

«Огоньке» (у Минаева есть дивная, тихая, прозрачная повесть «Детство Левы»: рекомендую). Чуть ли не сразу после публикации «Медведь» остановил выход на бумаге, так что было очень любезно сначала заплатить мне гонорар и только потом впасть в кому.

Бывают такие подарки судьбы (я не про гонорар, и уж тем более не про кому): предложение написать про то, о чем давно думал, но никак не находил повода. Для меня было важно написать не про низкую цену жизни в России. И даже не зафиксировать формулу русской жизни как автократии. А сказать: автократия («жизнь за царя») никогда не была предопределенностью страны. Но почти всегда была – увы! – результатом выбора на развилке. Не верите – прочитайте хоть «Россию при старом режиме» Ричарда Пайпса, хоть «Трех царей» Эдварда Радзинского, хоть конспективный труд «История России от Рюрика до Путина» Евгения Анисимова.

Да, крайне печально, что выбор был именно таков.

Впрочем, это же означает, что мы – страна не без выбора.

2014

#Россия #Екатеринбург

Грязное дело

Теги: Почему тяжка жизнь уральской красавицы. – Почему восточный Берлин не западный. – Почему в коммунальной квартире хреново.

Я вернулся из Екатеринбурга, в который раз досадуя, что куда у нас ни лети – от Архангельска до Хабаровска – все везде одинаково.

Церковь-новодел; туша бывшего обкома; щепотка дореволюционных домишек; уныние брежневских панельных домов. И сбоку припеку – частные кафешки со столь спорыми официантками, что, верно, и беременность у них длится месяцев 18. А живут они бедно, поскольку получают по труду.

Впрочем, Екатеринбург отличался от других городов тремя вещами: девушками невероятной красоты и ухоженности; бьющим в глаза изобилием бутиков вроде Max Mara (девушки и бутики наверняка состояли между собой в преступной связи), а также покрывающей абсолютно все, от каблучков до ступенек, серой, особой, никогда прежде мной не виданной грязью. Слой в палец толщиной, не меньше. Будто выпустили кишки цементному производству.

Много городов и стран я повидал, и красавицам, а уж тем более бутикам, давно не удивляюсь, но вот российская грязь, не говоря о екатеринбургском замесе, поражает как в первый

раз. Поскольку она отсутствует в иных странах (впрочем, за Африку и азиатскую глубинку не ручаюсь), то объяснений ее появлению, кроме пресловутого «умом не понять», я долгое время дать не мог.

То есть банальные объяснения известны: и развал ЖКХ, и карбюраторные «жигули» без катализатора, и промзоны в городской черте – однако это, друзья, байки. Потому что бывал я и в Париже в разгар забастовки мусорщиков, видел и в Таиланде дорожную полицию в респираторах (без них задохнешься от выхлопов грузовичков), и по финской Иматре (где сталелитейный завод) гулял. Однако чтоб грязь, грязюка, грязища – такого нигде.

Я даже как-то устроил в эфире на эту тему дискуссию, и звонящие кричали, что «грязь от пробок» (да видели б вы пробки в Лондоне!), «от климата» (господи, а в Хельсинки, что – климат другой?), «от отсутствия дворников» (да у меня в Москве они с 5 утра метут!), пока кто-то из слушателей, фыркнув, не сказал, что грязь есть внешнее проявление даже не бедности, а поощрения бедности. Что там, где бедность не порок, грязь будет всегда.

И я присвистнул, к справедливому гневу звукорежиссера. Однако ж действительно так.

Грязь – всего лишь пустая почва, грунт, земля, разнесенная ветром. А чистый город – это отсутствие свободной земли, где существуют лишь асфальт либо газон, и больше никаких вариантов. Причем и асфальт, и газон разобраны до по-

следнего метра – так что нельзя бросить машину иначе, кроме как на дорогушей стоянке, и жить в центре нельзя иначе, кроме как в дорогушем кондоминиуме, в цену которого входят частный садик и мытье тротуара с шампунем. И в этом центре бедный человек жить не может, ему тут места нет, но нет места и грязи. Бедный человек приезжает в центр города на общественном транспорте и ходит по чистым, ухоженным улицам пешком.

Разговоры в пользу бедных, ведущиеся богатыми (это лужковская идея, что городскую землю распродавать нельзя!), по сути своей являются разговорами в пользу грязи, которой, кстати, в Москве немногим меньше, чем в Екатеринбурге. О да, можно сочувствовать жильцам, протестующим против уплотнительной застройки, бьющимся за площадки для выгула детей или собак, за право парковать машину бесплатно, – но съездите-ка для начала в Берлин. Там идеально чист застроенный до скуки, вымытый до тоски западный сектор – но ветер метет пыль в разлапистом, расхристанном, зияющем пустырями да заброшенными фабричными пространствами Восточном Берлине.

Грязь – это коммунальное бытие городской земли, родственное бытию коммунальной квартиры, где красиво и чисто не бывает по определению. Нет ничего дешевле комнаты в коммуналке. Но нет надежнее способа превратить дворец в лачугу, как отдать его в коммунальное пользование.

И тут уж надо выбирать. Либо Акакий Акакиевич, соци-

альная справедливость и грязь – либо чистый подъезд, быстрый официант, сверкающие штиблеты.

2005

КОММЕНТАРИЙ

Вот и Лужков давно больше не мэр, и его жена больше не миллиардерша, и в Екатеринбурге уже давно не местный князь Россель, а присланный Москвой губернатор-надсмотрщик, однако грязь и ныне там.

Думаю, я правильно писал, что главная причина российской жизни в грязи в том, что у городской земли нет владельца.

Однако в 2005-м мне казалось, что хозяин отсутствует из-за «разговоров в пользу бедных», а теперь вижу, что был неправ. У московских, екатеринбургских, петербургских и каких угодно других русских земель есть теневой хозяин – это тот самый, назначенный Кремлем, смотритель. Это он реально распоряжается землей: проводит дикие, немыслимые в Европе аукционы «на право аренды» (торгуется не сама аренда, а право на нее!), подписывает разрешения на землеотвод под строительство и прочее. По сути, это – временщик, присланный на кормление (Москва и Петербург при Путине были даны на кормление Лужкову и Матвиенко практически так же, как в X веке при князе Игоре древ-

лянские земли были даны на кормление конунгу Свенельду). А временицкик заботится не столько об удобствах горожан, сколько об извлечении максимальной прибыли. До земли же, неспособной дать прибыль, ему дела нет.

Вот почему у нас нет в городах частных земель, а есть грязь.

Разговоры же в пользу бедных — просто такому положению дел идеологическое прикрытие.

2014

#Россия #Нижний Новгород

Перестройка сознания снизу

Теги: Кризис смыслов и тренировки по эскапизму. – Барселонская жизнь и нижегородское идолище. – Камчадалы и популярность в пределах Нью-Йорка.

На выходных я был Нижнем Новгороде в качестве тренера. Где с радиожурналистами, съехавшимися со всего Поволжья – от Ульяновска до Казани – говорил о том, что, возможно, пришло время менять работу. И даже профессию. И меня за эту идею не закидали тухлыми помидорами.

Поездку оплачивал Фонд независимого радиовещания – негосударственная организация, по случайности недокошмаренная в эпоху строительства суверенной демократии. На деньги фонда журналисты даже из самых богом забытых мест приезжают на учебу в Москву или, допустим, в Нижний, где напрямую общаются друг с другом. Это не то чтобы халява – фонд оплачивает лишь часть расходов – но серьезное побуждение к действию.

Других возможностей для общения по горизонтали у журналистов в вертикально интегрированной стране мало. Была еще негосударственная организация Internews – я сам туда когда-то бегал на мастер-классы Игоря Кириллова – но ее уничтожили, «замочили в сортире», против главы Мананы Асламазян за провоз валюты сверх нормы возбудили уголов-

ное дело, Манана эмигрировала во Францию.

В других странах таких профессиональных фондов – тысячи. Они объединяют людей по профессиональному принципу – от инженеров турбин до инженеров человеческих душ – и находят средства приглашать в качестве лекторов, тренеров, медиаторов диалогов тех, кто профессионалам может быть интересен.

А мне, повторяю, в этом году сочли разумным платить за то, чтобы я рассказывал – в том числе и про уход из профессии. Пчелы оплачивали агитацию против меда. И не потому, что я когда-то занимался радиожурналистикой на «Радио России» и «Маяке», а потом из этой профессии ушел, и даже не потому, что меня из профессии «ушли» и пускать в эфир перестали.

Главная причина в том, что в стране и в мире наступил кризис. Кризис смыслов. А кризис, будь то финансовый с потерей дохода или физический в виде потери здоровья, всегда заставляет людей задуматься – что происходит не так? Правильно ли они живут? Почему, вкалывая с утра до вечера, они не могут себе заработать на жилье? Нужно ли им такое жилье? И такая работа? Чем вообще они хотели бы заниматься? Ради чего жить? В чем их ответственность перед собой и перед богом?

Кризис – плохое время, чтобы думать о квартирах, машинах, бытовой технике и прочих потребительских пирожных.

Кризис – хорошее время, чтобы думать о хлебе насущном,

то есть о своем месте на земле.

* * *

«Знаете, Дима, а ведь журналистика – действительно не мое. Мне нравится продавать. Я хотела бы стать риелтором.

Но когда я пришла на собеседование, мне сказали, что раз я журналист, то я несерьезный человек».

Так говорит Лена из Тольятти.

Перед этим я объяснял Лене и ее коллегам, что политической журналистикой сегодня в России не заработать ни на квартиру, ни на машину. Потому что журналистика – это передача информации и очистка смыслов, а очистка политических смыслов и передача информации в России мало кому нужна. Она даже не запрещена – запрет действует лишь на телевидении, – но она не востребована. Российский житель требует кривых зеркал, которые навевали бы ему сон золотой: что он живет в великой стране, с которой обязан считаться (и которую обязан бояться) весь мир, а если что не так, то виноваты НАТО и США.

С этим невозможно бороться – попробуйте-ка бороться с волной – и потому однажды необходимо принимать решение. Либо ты находишь другой источник дохода и сохраняешь профессию как хобби, либо меняешь профессию.

«Ведь те, кто остался на телевидении, они же сменили профессию? – ехидно спрашивает меня кто-то из Лениных

коллег. – Они ведь переквалифицировались в пропагандисты? А кто не захотел, – те, как Парфенов, переквалифицировались в писатели?»

Парень, который спрашивает это, если я не ошибаюсь, – бизнесмен из Урюпинска. Радио – его хобби. Он делает деньги на том, на чем делает, а журналистикой занимается, потому что это занятие считает важным.

* * *

Фонд независимого радиовещания уже давно приглашает меня то в Вологду, то в Екатеринбург, то в Хабаровск, то в Казань.

Но впервые вне Москвы меня не спрашивают о том, о чем спрашивают всегда: легко ли устроиться в Москве на работу, сколько в Москве платят, почем снять квартиру. Более того, технические моменты поиска работы – список рекрутерских агентств, правила написания резюме, особенности прохождения собеседования, поиск работы через интернет – вообще мало кого волнуют. Зато бурно идет разговор о том самом кризисе смыслов, о котором я уже упоминал. О том, почему людей во всем мире перестала интересовать истина, а стало интересовать потребление. Почему среди героев времени нет ни математиков, ни физиков, ни лириков, ни путешественников, ни врачей, ни конструкторов, – а только участники телешоу. Почему всех перестало интересовать,

как устроен мир. И не есть ли кризис расплата за это – за надутые щеки и закрытые глаза.

Впервые эти теоретические, спекулятивные рассуждения оказываются востребованы и интересны, а, казалось бы, практические вещи – нет.

Впрочем, и я впервые говорю не о том, как преуспеть в профессии.

* * *

У меня есть немного времени, и я отправляюсь гулять по Нижнему банальным туристическим маршрутом: от Кремля, где торгуют чудовищными поделками и путеводителями в десяток страниц по 200 рублей, вниз по пешеходной Большой Покровке. Но мне настоятельно советовали совершить именно такой променад, чтобы понять, в чем суть смеси французского с нижегородским.

И вскоре я понимаю.

Покровка – вполне мертвая пешеходная улица, по духу не отличимая от Арбата или от Малой Конюшенной в Петербурге, которые пешеходными стали не потому, что так сложилось, а потому, что так велело начальство. Чугунные «пушкинские» фонари. Стандартные сетевые магазины, точь-в-точь те же самые, что и в первопрестольной, и на Урале, и на Дальнем Востоке – от Sela и Oggi до Adidas и Reebok, с теми же неулыбчивыми продавцами, – и ни одной местной

марки.

А через каждые метров пятьдесят – реалистической манеры бронзовые скульптуры в человеческий рост, возле которых родители фотографируют детей в вязаных шапочках. Первым мне попался бронзовый фотограф, и я улыбнулся: это была ухудшенная копия такого же фотографа в Питере. Потом пошли железные дамы с детьми и без, швейцары, дворяне, ремесленники, чистильщики, актеры, скрипачи, почтальоны – в немыслимом церетелиевском изобилии, разве что без церетелиевского масштаба... Смыслом сего было не совершить эстетическую революцию, а «подчеркнуть связь времен» (думаю, с такой формулировкой на них и тратились бюджетные деньги). Вскоре обнаружилась бронзовая коза, пользующаяся особой популярностью среди «фотографов» – я испугался, что дальше пойдут собачки и уточки.

Я вспомнил вдруг реконструированный порт в Барселоне, где создали рай для скейтбордистов, а доски на мостах проложили с щелями, чтобы ночью сквозь них в подсвеченной воде видеть косяки огромных рыб, вспомнил порт в Генуе, где устроили тропикарий для бабочек в виде стеклянного глобуса и установили гигантские парусиновые ветряки, – там была новая жизнь, а здесь были бронзовые идола.

И когда я в отчаянии свернул в какую-то щель с надписью «Кладовка», уповая найти лавку старого барахла, – чуть не остолбенел. Дворик был расписан с яростью, какую можно еще найти в берлинских сквотах. Над головой плыли огром-

ные деревянные скелеты рыб. «Кладовка» оказалась крохотным выставочным зальчиком для юных и наглых дарований. Две отнюдь не наглые и, боюсь, даже не вполне юные женщины взяли с меня 30 рублей «за экскурсионное обслуживание» и провели по выставке поделок в виде разнообразных кошек (ага, котики все же появились!), сопровождая словами: «это произведения искусства». Произведенные искусства меня не вдохновили, но под ногами был прекрасный пол из старых досок, а под потолком вместо люстры висело старое раскохшееся окно, что как идею следовало своровать.

А потом, когда разговор про котиков исчерпался, начался другой. Женщины рассказывали мне про новгородских ребят, которые устроили эту вот «Кладовку». И про их планы. И про то, как уничтожается старый деревянный Нижний, заменяясь монолитным железобетоном и новоделом, — у одной из них снесли прадедов особняк. И что на Покровке, это правда, живому человеку делать нечего, оттуда выселили единственный на весь центр гастронам, а с гастронамом ушла и жизнь, ведь не будешь ты каждый день заходить в Adidas. И что вообще ради денег все готовы на все. Вот, к примеру, был почти в самом центре Нижнего трамплин — так его разобрали, чтобы строить дома.

Они прекрасны были, эти не вполне юные женщины.

Им дико нравилась их «Кладовка» и их молодые художники. Они видели смысл в этой работе. Она была для них, я не сомневаюсь, настоящей жизнью.

Они сияли и давали мне секретные адреса значных мест.

И вечером, когда мы с трудом отыскиали свободный столик в арт-подвальчике «Буфет», где за 100 рублей можно заказать бараньи яйца или бараньи мозги, я вдруг вспомнил, что ни одна из женщин не пожаловалась на высокие цены или небольшие доходы.

Я так полагаю, они были готовы к кризису. И в некотором смысле через него уже прошли.

* * *

У меня скоро поезд, я спешу в общежитие лингвистического университета, чтобы собрать сумку. Общежитие ремонтировали лет 10 тому назад в том же стиле, в какой устроена в Нижнем Новгороде Большая Покровка. Но на гостиницу у Фонда независимого радиовещания нет денег, да и мне грех жаловаться: в пяти минутах – Волга, я надеюсь побегать час по ее высокому берегу.

У моих бывших коллег по радио еще продолжаются семинары и лекции. В одной из аудиторий рассказывают о том, что такое институт независимых продюсеров и как эти продюсеры находят по всему миру гранты на создание радиопрограмм. «...И вот живет в Петропавловске-Камчатском Стас Зверев, никто его там не знает, но его программы обожают в Вашингтоне, Берлине и Нью-Йорке, где он кумир и герой», – долетает до меня.

У меня, кстати, еще с одной девушкой был разговор. «Ну а вы сами-то думали из журналистики уходить? – спросила она. – А то все говорят, но никто не уходит». Я ответил, что вот бывший глава Русской службы новостей Сережа Мерцалов не просто сменил профессию, а переехал жить в Ванкувер; что в Италии с недавних пор проводит половину времени Матвей Ганапольский... Да и мы с женой не отказываемся от идеи переезда на Атлантику, на берег басков. Нам там ужасно нравится, у нас там друзья, там дома дешевле, чем на Карельском перешейке, и есть даже идея открыть магазинчик товаров для спальни – всякие наволочки с вышивкой на местную тему, sachet из прибрежных трав... «Еще можно продавать натуральное мыло с ракушками внутри, – подхватывает с интересом девушка, – или ароматические свечи. Сувенир хороший, и всегда пригодится. Мы с мужем тоже об этом думали. Бизнес такой начать. Потому что у нас ничего на память не купить, одни тарелки с церквями».

Господи, как ее звали, из какого города она была?! М-да, мы не одиноки во Вселенной.

2008

КОММЕНТАРИЙ

Мы с женой не купили домик в баскском Сен-Жан-де-Люзе и не открыли на Атлантике магазинчик (мы и домик под

Петербургом-то не построили).

У Гананольского что-то там не сложилось с Италией, и он стал сначала работать в Грузии, а потом вернулся в Москву.

На месте старого трамплина в Нижнем построили не только новые дома, но и канатную переправу через Волгу, а также, в качестве социальной нагрузки, мечеть, после чего цены на квартиры в этих домах упали.

Все именно так и произошло.

А еще я почти перестал ездить на машине (все равно одни пробки), зато купил новый велосипед и стал в разы больше читать.

Что, безусловно, следует отнести к благодатным последствиям кризиса.

2014

#Россия #Нижний Новгород #Красноярск Страна овец

Теги: Про запрет на политику в законодательном собрании. – Про запрет на эфир жуликами и ворами. – Про опасность игр в снежки и про новый срок Владимира Путина.

За неделю до российских парламентских выборов я проехал маршрутом от Нижнего до Красноярска. То есть я видел предвыборное прошлое страны. Которое в тот момент мне казалось также и лишенным выбора будущим.

Но начну все же с прошлого.

В Новгород я был зван читать лекцию. Одна крупная структура проводила большой журналистский семинар по производственной тематике и хотела, чтобы я поделился прогнозом на развитие медиа. Зная, возможно, мои взгляды на то, что FM-радио скоро просто потеряет смысл; что собственную интернет-радиостанцию (и собственное вещание) за три копейки сможет устроить каждый; что лицензии, частоты и Роскомпечати тоже потеряют смысл; что человек за рулем в эпоху сетей 3G и 4G получит возможность выбирать не из 52 (как сейчас в Москве), а из полумиллиона радиостанций. А с учетом того, что программы преобразования текста в голос вот-вот ворвутся в мир, конкуренцию интер-

нет-радио составят голосовые газеты, голосовой ЖЖ, голосовой твиттер...

Встречал меня на вокзале один симпатичный предупредительный мужчина, работавший в аппарате местного собрания – там, под эгидой профильного комитета, и проходил семинар. Мужчина учтиво нес мою сумку и провел очень недурную экскурсию по дороге в гостиницу. Он же встречал меня на следующий день (мероприятие проходило в стенах собрания в кремле).

На семинар приехали, надо сказать, и коллеги неюных лет из дальних нижегородских районов, и вы понимаете, с какими лицами они сидели, когда я говорил, что дети в Москве уже не понимают, почему телевизор – это «ящик», поскольку для них телевидение – это айпэд. Что интернет-медиа вообще уничтожают привычные СМИ. Эти люди во всякую чушь не верили. И тогда я привел простой пример. «Скажите, – спросил я, – какую партию в нашей стране называют партией жуликов и воров?» Зал засмеялся. «Между тем, – продолжил я, не называя партии, – это определение, данное блогером Навальным, распространялось исключительно через интернет. По государственным телеканалам о Навальном – а он, возможно, наш будущий президент – не говорят. Фразу про жуликов и воров на госканалах не употребляют. Однако даже те, кто не знает, что такое интернет, знает, что такое партия жуликов и воров».

А когда я закончил, мой провожатый вдруг кинулся к

микрофону и с отчаянием стал призывать не устраивать политические дискуссии в стенах заксобрания. А затем подошел ко мне и с укоризной спросил – как же я мог критиковать «Единую Россию»? Разве я не знаю, что главой заксобрания в Нижнем является лидер фракции «Единая Россия»? (Да, теперь я знал – а какая еще партия в лидеры определит дядю, тоскливо долдонящего текст по бумажке при открытии семинара?) И еще – как я мог усомниться в президенте Путине?

Знаете, моя любимая метаморфоза – это превращение российского мужчины в овцу. Апулей и Овидий отдыхают. Наш мужчина превращается в дрожащее животное так быстро и массово, что в этом и состоит единство нации. Но все же я довольно спокойно ответил, что Путин пока что никакой не президент, и, возможно, президентом и не будет, если его прокатят на выборах. И что законодательное собрание есть собрание представителей граждан любых политических взглядов, а не чайный домик одной партии. И мужчина, услышав, что Путина, оказывается, можно и не избрать, застыл с видом уже не овцы, а переклиненного робота из старого фильма «Отроки во Вселенной». Так что я не стал спрашивать, женат ли он, есть ли у него сыновья, и на каких примерах он объясняет им, что такое мужское достоинство.

Про достоинство мне потом напомнил шофер, сказавший, что сам когда-то был дураком, когда верил тандему – «А они, оказывается, там все сами порешали, и этот потом перед на-

ми Петрушку четыре года валял!» – и что ему теперь стыдно за свое поведение, потому что ему главное было – машину купить, а какой прок в машине, если может случиться революция? Вон жулики и воры отрапортовали об очистке города от снега, и весь Нижний потом хохотал: чтобы столько кубов снега вывезти, нужно, чтобы засыпало на три метра!

...Из Нижнего я улетал в Красноярск. Там был конкурс местных радиостанций. Сибирь вообще по силе местной журналистики – один из главных регионов страны. У них в прямом эфире идут дискуссии, подзабытые в центре. Пока ждал пересадки, пришли новости из Хакасии. Редакция радио «Абакан» чуть не в полном составе уволилась. Потому что они собирались в прямом эфире обсуждать две темы: первую – возможный запрет на пропаганду гомосексуализма, а вторую – нужен ли нам Путин на третий срок? А им позвонил человек из партии жуликов и воров и попросил не обсуждать обе темы вместе, и они психанули, этот звонок записали и выдали в эфир, и сказали, что работать под давлением не намерены. И, повторяю, уволились, хотя Абакан – это не Москва, где можно другую работу найти. Их коллеги, съехавшиеся в Красноярск, бурно обсуждали произошедшее: этично или неэтично было телефонный разговор записывать (вопрос о том, этично или неэтично давить на журналистов, не обсуждался: по умолчанию подразумевалось, что жулики сраму не имут).

А я сидел и слушал программу радио «Абакан», где об-

суждался случай с депутатом Черногорского горсовета Катаревым. Там, в городе Черногорске (это, как и Абакан, – Хакасия), дети играли в снежки и попали снежком в депутата. А депутат достал травматический пистолет и открыл огонь; одного мальчишку отвезли в больницу. И вот это обсуждалось. Хотя, казалось бы, что тут обсуждать: я думал, звонки будут – типа, отдайте Катарева нам, мы его четвертуем, а журналисты в ответ – нет, давайте по закону.

А знаете, что там, в абаканском эфире, в итоге было? Там каждый второй звонивший настаивал, что виноваты в случившемся сами дети. Точнее, родители детей, дурно детей воспитавшие. То есть я не верил своим ушам – что-о-о?! – но очередной звонивший простодушно объяснил: ну, родители должны были объяснить детям, что опасно играть на улице, потому что можно попасть снежком в человека из власти. То есть блевавшая овца обвиняла родителей-овец в том, что не объяснили ягнятам, как в овцах жить. Я не сильно преувеличиваю.

А потом я слушал эфир томского «Маяка», шедший в день памяти жертв политических репрессий. И там большинство звонков было тоже от овец, блевавших, что «Мемориал» врет, говоря о миллионах жертв! Жертв было никак не больше полумиллиона, а скорее и того меньше! И при Сталине в загоне был порядок! И одна овца даже объяснила, что подразумевает под порядком. На мясокомбинат, то бишь в лагерь, при Сталине отправили деда овцы. Но через полгода

выпустили, потому что разобрались. Вот так-то, съели?! А вы – репрессии, репрессии! Сталин войну выиграл, Путин нас накормил!

И, если честно, после этого три дня в Сибири виделись мне сквозь некую пелену. Из этой пелены вставало бескрайнее, на девять часовых поясов, пастбище, где овцы считали разумным и нормальным, что их режут и стригут, и блеяли разве от того, что забор между теми, кого должно стричь, и теми, кто стрижет, не слишком заметен. И было ясно, что если просто уничтожить загон – овцы построят новый.

Я гулял по красноярскому заповеднику «Столбы», я любовался Енисеем на морозе, когда сброшенная плотиной вода превращается в туман, я видел увешанный предвыборными щитами Красноярск. Я даже ответил коллегам на вопрос про случившееся в Абакане. Я сказал, что, да, приходя в отчаяние, в ярость, будучи загнанным в угол, можно отказаться быть овцой, но за право быть человеком придется расплатиться как минимум потерей работы.

Но ведь не тюрьмой же.

Тогда я еще не знал, что случится в Москве и Питере 5 и 6 декабря.

Тогда я не знал, что тех, кто откажется быть овцами, будут бить, а 1-й канал, «Россия» и НТВ ни слова не скажут тем, кто живет в Сибири, но не знает, что такое интернет, что в Москве ОМОН избивал мирную демонстрацию возмущенных фальсификациями на выборах, – и будут врать, врать

и врать, что москвичи и питерцы 5 и 6 декабря весело праздновали победу любимой партии.

То есть я не знал, что всего за неделю дихотомия русской жизни изменится.

С «если ты не овца, то ты без денег» на «если ты не овца, то ты можешь лишиться свободного выпаса».

И гарант проблеет, что ничегошеньки-ничегошеньки не случилось.

А тот, который отвоевал себе право резать любую свою овцу, – он, разумеется, до разъяснений не снизойдет.

И должен признаться, что не знаю, что в такой ситуации делать. Бежать из загона? Очеловечивать овец? Выводить новую породу? Самому не превращаться в овцу? Читать Пушкина – «их должно резать или стричь»? Выходить на площадь?

Вот, некоторые выходят.

И овечий телевизор доносит:

– Бе-ее-е-е... бе... бе...

2011

КОММЕНТАРИЙ

Этот текст не был опубликован в «Огоньке» – как мне объяснили, потому, что «опоздал» (но теперь, когда в «Огоньке» политический огонек притушен до минимума, мне

кажется, что вовсе не потому). Ответ на вопрос «что делать?» был уже дан Болотной площадью. В 2012 году Путин снова стал официальным президентом России, ознаменовав возвращение в хозяева страны инаугурационным проездом по абсолютно пустой, вычищенной от людей Москве, и Россия стала все больше походить на какую-нибудь Белоруссию. Вон в Белоруссии Лукашенко запретил выходить в интернет без паспорта – так и у нас идет к тому же. Тем более исторический опыт есть: еще Павел I вводил запрет на ввоз из-за границы «всякого рода книг, на каком бы языке оные не были», а заодно и нот. Любопытно: сейчас, когда вы про это читаете – Лукашенко все еще на троне? Или к нему в ночи уже заглянул граф Пален?

Вывести из себя ведь могут не только перемены, но и отсутствие перемен...

2014

#Россия #Волгоград

Почему я предпочел бы Рюрика

Теги: Имперский туман Волгограда. – Вучетич, инвалиды и туалеты. – Биргардены на Волге.

Я вынужденно задержался в Волгограде – сначала была метель, а потом туман, и самолеты не летали. Но сквозь туман было видно, как город пытается поставить себе на службу советское прошлое. Жалею, кстати, что не побывал в пионерах в Волгограде, на школьной экскурсии. Любопытно было бы сравнить тогдашнее советское ощущение с нынешним, – когда никакой идеологии, а чистый восторг.

Ведь что знает сегодняшний турист про Волгоград? Мамаев курган, Сталинградская битва, споры об имени: одни за Сталинград, другие за Царицын (споры о том, откуда происходит «Царицын», утихли: тут заимствование из хазарского словаря, такое же, как у Царского Села из финского). Ну, в общем, информация историческая. А из современности – «танцующий мост» через Волгу, смотри рутьюб.

Но когда я прилетел, то увидел другое. На меня из тумана мощнейшими колоннами, капителями, фронтонами, портиками – выплывали Афины, Рим, империя. Дело было в архитектурных пропорциях, несомненно. Вот циклопический железнодорожный вокзал – в абрисе как бы шехтелевский, то есть московский Ярославский вокзал, только выполненный в

Сталинскую эпоху, сталинскими архитекторами и по сталинским представлениям о красоте (я вздрогнул, вспомнив циклопический вокзал в Милане. У Муссолини была сходная эстетика: огромное – значит красивое). Вот огромная, слоновья колоннада Педагогического университета. «Сталинские» с эркерами, портиками, башенками, нишами жилые домищи. «Сталинские» присутственные местищи. «Сталинские» (копирующие Парфенон) театрищи. Плюс планетарий – по виду парижский Пантеон, только со статуей на темечке купола. «Сталинской» роскоши гостиница «Волгоград», – с четырехметровыми потолками в номере, с коврами, бронзой, мрамором, маркетри, наборными паркетами, хрустальными люстрами, швейцарами с галунами. А вместо развалин Колизея в Волгограде – военные руины, которые турист ошибочно называет «домом Павлова», но местный житель называет «Мельницей», ибо стоящий напротив дом Павлова цел-целехонек: в нем, мне сказали, ныне «элитное жилье», оно продается с повышающим коэффициентом «2».

И вот я норштейновским ежиком бродил по этому туману империи, а когда туман рассеивался, вскрикивал. Потому что новое строительство в Волгограде имело связь с деньгами, но никакой связи с тем городом, что был выстроен после войны. А в советско-ампирной гостинице «Волгоград» работал ресторан, отчего-то называвшийся «Мольер». И в гостиничном холле висели подсвеченные фото Сталина, Горбачева и Уго Чавеса. Вместо ванной же в номере была дыр-

ка в полу, и этой воде не было слива, вода стояла озером, а постояльцам выдавались шлепки на толстой подошве, так что они ходили по ванной апостолами Андрееми. А в коридорах висели марины с тонущими кораблями и виды Берлина. И это был уже совершеннейший сюр, которого никто – ни улыбающаяся девушка на ресепшен, ни улыбающиеся горничные, а в Волгограде улыбались все! – в общем, никто, кроме меня, не замечал.

ЧТО ПОЛУЧИТЬ И ОТ ЧЕГО ОТКАЗАТЬСЯ

Нет, я отнюдь не считаю волгоградцев простаками, не видящими ценности и цельности эстетики сталинизма. Мне один раз даже сказали: «Мы – Волгоград, а «Сталинград» – это наша торговая марка, ну, это как «Вымпелком» и «Билайн»!

Нигде, повторяю, ни в одном другом областном городе я не видел такого размаха, такого масштаба, таких архитектурных пропорций. Даже в Москве «сталинская» архитектура теряется на фоне прочих эпох и стилей – в Москве, чтобы оценить эстетику сталинизма, надо не бродить по холмам, а спускаться под землю в метро.

Но чтобы понять, как советское наследство соотносится с обычным человеком, в Волгограде нужно отправиться туда, куда отправляются все, – на Мамаев курган. Некогда безымянная высота 102 и правда впечатляет. 200 огром-

ных ступеней по числу дней битвы (на ступенях – надпись: «За нашу советскую Родину! СССР!). Пирамидальные тополя, стены-руины, статуи героев, воды Стикса, скала с прорастающим торсом маршала Чуйкова, – все это сквозь туман. Скульптор Вучетич был, скажем так, неоригинальным художником, – но как хорошо, что он таким был. Скорбящую мать он подсмотрел у «Пьеты» Микеланджело, Родину-мать позаимствовал у Эрнста Неизвестного, все прочее – у греков и римлян, но в итоге курган стал отражать величие битвы и трагедию смерти, а не идеологию СССР. Вучетич – в отличие от Церетели в Москве – работал на вечность, пренебрегая мелочами вроде посетителей, которые у подножия 87-метровой Родины могут валиться с ног от усталости (или не иметь ног вовсе, будучи инвалидами войны), а также хотеть поесть, попить или даже пописать.

Так что ничуть не меньше трагедии, запечатленной в камне и бетоне, меня потрясло то, что на Мамаев курган ветераны должны были подниматься только по лестнице – там не было и нет подъемника для инвалидов. На всем гигантском кургане во времена СССР не было ни единой скамейки. Ни одного фонтанчика с водой. Ни одного кафе и ни одного туалета. Кафе с туалетом и киоск сувениров, торгующих аляповатой родиной (той, которая с мечом) – появились недавно. «Туалет коммерческий, – сказал, улыбаясь, человек на входе. – Восемьдесят рублей. Только ключ у бармена, а бармен ушел. Будете ждать?». ».

Я покачал головой и пошел прочь, надеясь, что это была шутка. Ботинки промокли. На Мамаевом кургане снег чистили. Но в городе не чистили, а попросту ждали, когда сам растает.

ПОЗОВИТЕ ВАРЯГОВ

К третьему дню пребывания в Волгограде у меня голова кругом шла. Не только потому, что сайт аэропорта сообщал о регулярных вылетах и прилетах, а по телефону диспетчеры отвечали, что аэропорт закрыт наглухо.

Я сидел в гостинице, где было все – беспроводной интернет, Сталин и виды рейха, советский ампи́р и господин де Мольер, – и понимал, что современный русский как ребенок: он хочет всего и сразу.

– А ты считаешь, мы должны скрывать, что здесь Сталин жил? – сказал мне обиженно один из местных. – Это наша история!

– Ни в коем случае скрывать не надо! – ответил я. – Но я представить не могу, чтобы в отеле Adlon в Берлине висел портрет Гитлера на том основании, что там бывал Гитлер. Фотографиям Гитлера, как и Сталина, место в альбоме, который тем и хорош, что фиксирует, а не дает оценок. А на стене – место тому, чем гордятся. Или тому, что подходит по стилю. Я понимаю, что картины с видами Германии гостинице подарили, но вообще-то здесь место соцреализму,

«Битвам за урожай» или «Сталеварам во Дворце съездов». Хороший стиль, понимаешь ли, это не когда богато, а когда есть соответствие, перекличка.

— Хм, логично... — откликнулся мой собеседник. — Ну что, звоним в аэропорт?

И потом, по дороге на рейс, задерживавшийся на сутки, я думал, что, пожалуй, наши города не так уж и одинаковы. И что людей, желающих не разрушать прошлое, а вписать в него настоящее, тоже хватает. Им не хватает лишь малости — знания стандартов. Через эту перекличку времен уже прошла вся Европа, и многому научилась. Гостинице «Волгоград» не хватает не бархатных штор с бомбошками и ламбрекенами, а западного управляющего, хорошо осведомленного, где место тиранам и каковы требования к санузам.

А когда я садился в самолет, то подумал о том, что городу Волгограду тоже, пожалуй, не хватает управляющего из варягов. Чтобы установил правила архитектурной игры, например. Чтобы не вызывали оторопь наглые новые башни, выросшие на берегу Волги из ниоткуда. Чтобы общественный транспорт в городе ходил по расписанию на электронном табло.

Чтобы тротуары, черт побери, чистили либо же посыпали песком.

А когда самолет отрывался от земли, то я политически некорректно подумал уже о том, что на президентских выборах 2012-го я бы, пожалуй, проголосовал за Рюрика. А что?

Прецедент был. Тогда земля была богата, да не хватало порядка. Сейчас тоже вон полно всего, но не хватает стандартов. А стандарт – он и есть порядок.

А когда самолет приземлялся в Москве, я вдруг вспомнил, что было в Волгограде одно местечко – технологически, так сказать, безупречное. Немецкая пивнушка «Бамберг», где было весело, дешево и очень вкусно. Я в таких многих бывал в Баварии, где и находится город Бамберг. Пивнушка, кстати, располагалась в паре минут от «Мельницы» и музея Сталинградской битвы. И, что радует, это ничьих протестов не вызывало, потому что в хорошем и грамотном заведении любой нормальный человек не чувствует ни малейшего оскорбления идеала, а чувствует ровно то, что чувствует немец во французском ресторане или француз в швабском биргардене – радость и удовольствие от жизни.

2010

КОММЕНТАРИЙ

У меня однажды возникла идея обставить квартиру в «сталинском» стиле (мы живем в «сталинском» доме), но я быстро понял, что это безумие. Ни диванов с высоченной спинкой и валиками по бокам, ни секретеров с полукруглой сдвигающейся крышкой, ни сервантов пальмового дерева – к нашему времени не сохранилось ни-че-го. А то, что сохра-

нилось (вентилятор в виде пограничника Карацупы), шло и идет по цене хороших каминных часов времен александровского ампира.

К увиденному мною в Волгограде это замечание, впрочем, имеет малое отношение. Просто давно хотел об этой милостной печали упомянуть.

Но жанр комментария и предполагает, скорее, скромное замечание по поводу, нежели развернутую парадигму.

2014

#Россия #Ростов-на-Дону

Казачи и гопники

Теги: Казаки, суши и «Маргарита». – Гопники, Nike и аутентичность. – Документальное кино, любовь и мат как лингвистический транспорт.

Казаки в Ростове-на-Дону – хмельные, с иконами, с толстозадymi бабами – смотрят на тебя начиная с аэропорта. Потому как сувенирные. Эта казачья самоирония прекрасна. Я упивался ею, поехав в Ростов на уикенд по делу.

Это был не первый мой приезд. Но в первый там боролсь со снегом методом самотаяния, и по городу было особо не погулять. Запомнилась невероятная южная архитектурная пышность, которой навалом, скажем, в Праге, а вот в России практически нет. Не просто пламенеющая эклектика, когда все в кучу, много и сразу; не просто кремовый торт здания городской думы, – а весь старый город этим кремом мазан, всюду эти архитектурные марципаны, на каждом до-революционном домишке. Ими покрыт весь центр, начиная с крутобедрых улочек возле собора и рынка, моющих ступни в Доне – и южный город производит сильное впечатление сочетанием изобилия с покосившимися хибарами, а также с той грязью, которой город покрыт.

Надеюсь, вы меня поняли: Ростов мне даже нравится, потому что грязь у нас всюду, включая Питер и Москву, это

наш такой цивилизационный маркер, – а вот пышный историзм в России не везде. Всюду у нас как раз все одинаково уныло (или почти одинаково, или почти уныло), Иваново от Тюмени не отличить. Поверьте человеку, объехавшему страну от Калининграда до Камчатки.

Вот эта ужасающая стандартизация, однообразие, этот единый городской шаблон – он, конечно, предмет моих страданий. В поездках хорошо видно, что страна причесана под одну даже не архитектурную, а идейную гребенку. Главный этап был послевоенный, когда на руинах церквей, хором, да и просто руинах начали взращивать одинаковые драмтеатры с колоннами, одинаковых Лениных на проспектах Ленина, одинаковые пятиэтажки. И если вы думаете, что эта стрижка бобриком в прошлом – да ничего подобного! Потому что суть не в том, как стрижена башка, а в том, что всем одинаково.

В наше время выделяются три таких пахоты плугом единообразия. Первая – это дорогие (или, если с южным фрикативным «г», «дорожие») высотные дома монолитного железобетона, непременно с подземными гаражами, а теперь и со сплошным остеклением, торчащие прыщами что над Тихим океаном, что над Доном, что над какой-нибудь Уводью. Смысл – заявить, что, эвона! и мы можем, а не только москвичи. Они прут вверх, не считаясь ни с окружением, ни с историей, ни с *genius loci*, потому что какие, на хрен, боги места, если есть бабки.

Вслед за «бохатыми» домами стал перепахивать города второй лемех: сетевые магазины. Я уже давно в поездках ни в какие магазины не хожу, потому что – какой смысл? В Хабаровске, в Казани, в Новосибирске – всюду одно. Вот скучковались Adidas, Intersport, Nike; вот Zara, «М.Видео», H&M. Причем плуг ритейла разворотил поле так, что на нем вообще не растет ничего из того, что обильно колосится в Европе: я про магазинчики с местными товарами для дома. Ну, все эти свечи, лампы, зеркала, салфетки. Я в Европе люблю по таким шататься и мелочевку покупать. У нас вместо этого – общак Zara Home.

А третий плуг ведет борозду прямо на наших глазах: это сетевые рестораны и фастфуд. Теперь всюду, куда ни плюнь (а плюнуть хочется) – роллы, суши, «цезарь», кальян. Всюду – «Патио Пицца» и «Кофе Хауз» (где, если повезет, дрянной кофе через полчаса принесут). То есть узнать в Ростове-на-Дону, что такое южнорусская кухня, нельзя. И если вы захотите в Ростове вкусно поесть, примите мои соболезнования. Единственный оазис – угол Красноармейской и Газетного переулков, мне про него нашептал один знакомый ресторатор. Но поваров в сетевом ресторане «Рис» (где и роллы, и ризотто) следует сбросить с раската в Дон. Там я съел худшую в своей жизни «Маргариту». Тесто в ней было пышно, как актриса Крачковская, зато помидоры – пластмассовые...

...Ну, а теперь возвращаюсь к тому, с чего начал: с донских казаков. И не надо только, еще до разговора о них, суро-

во мне выговаривать, что я ни фигя в Ростове не понял, что пишу про грязь, а надо про грандиозный драмтеатр в стиле конструктивизма; что ужинать грамотный ростовчанин катит в шалманы Левбердона, левого берега Дона, – вот там шашлыки, вино рекой и гостинички.

Да знаю я! Про Левбердон когда-то свистящим шепотом мне рассказывал еще бывший коллега Дибров: «Там пох-х-хоть растворена в воздухе!».

Все это, повторяю, мне известно, и печаль моя в другом – в одинаковости убогости и в убогости одинаковости, равняющей наши города. И вот казаки, будь они хоть нацией, хоть сословием, хоть просто ряжеными, – да, казаков на ростовских улицах я мечтал бы увидеть. Ведь должны они где-то существовать? Вещает же в Ростове радио «Казачий Дон» – чудовищная второсортная тоска, прерываемая «Любо!» да «Слава богу!» в манере «Слава КПСС!»? Дела, приведшие в Ростов, заставили меня прослушать по «Казачьему Дону» пару программ – с шансонно-ресторанным музыкантом Никольским («Любо!»), и еще про местный «Гимн Кавказу» – невероятного убожества произведение, начиная от слов («Здесь земля отцов, дедов и нас») и заканчивая музыкальной раскладкой, убедительно доказывающей, что интернационализм по заказу, как и патриотизм по заказу, всегда выполняют роль крышки над выгребной ямой...

Но казаков я хотел видеть!

Потому что мне казалось, что усатые, чубатые люди с

нагайками, в надраенных сапогах, вышедшие в пятничный вечер на Большую Садовую, должны менять городскую атмосферу в сторону уникальности. Знаете, в любимом мной Мюнхене эдаким манером гуляют по вечерам парни в кожаных шортах на ляшках и фройляйн в корсетах со шнуровкою – и мне это нравится. И я готов был заранее полюбить этих костюмированных казаков и не видеть в них угрозы свободам и либеральной идее. Потому что я ведь не вижу угрозы либеральной идее в костюмированных баварцах, пусть даже пьющих пиво в пивной «Хофбройхаус», откуда вышли в люди и Ленин, и Гитлер.

Я бы и в Иваново был рад увидеть ряженных ткачей. А в Вологде – не знаю, ряженных доярок... Потому что если наши города одинаковы, то маскарад в сочетании с ярмаркой местного продукта, будь то ситцы, масло или семечки, мог бы как-то всероссийскую унификацию очеловечить, смягчить.

А второе мое соображение состояло в том, что выход чистеньких казаков на пышные, но загаженные улицы, покрытые сетью псевдо-японо-итальянских харчевен, должен был вызвать некий городской катарсис. Показать всем, и казакам в первую голову, что неладны дела в их собственном королевстве и что биться всем своим войском Донским, с атаманами и куренными, следует не за то, какие выставки кому запрещать, – а за то, чтобы улицы были вылизаны до ослепительного блеска. А уж когда Ростов, или Краснодар, или Петербург, или что еще у нас сегодня числится в казацких

станицах, избавятся от физической грязи, и Ростов не будет выглядеть как елизаветинская дама в нестиранных юбках, когда там поднимет голову местный ресторатор, отельер, мастерской и так далее, – тогда я готов буду слушать, что эти люди думают о судьбах страны. Но не раньше...

...Но, как вы правильно догадались, никаких казаков я так и не встретил. Казачью лавку с нагайками и прочей сувениркой на углу Буденновского проспекта – да, нашел. Но не казаков. Вместо казаков по ростовским улицам плыли гопники, гопота. Не будет преувеличением сказать, что каждый второй мужчина и парень в Ростове выглядит так, как будто собрался на гоп-стоп. И когда я слегка ошарашенно поделился этим наблюдением с местными (из числа негопников), те подтвердили: «А ты как хотел? Ростов-папа!».

И я вспомнил дивный документальный фильм «Я тебя люблю» режиссеров Костомарова и Расторгуева (торрент качается без проблем), которые, отсмотрев сотни видеоклипов, снятых ростовскими гопниками на мобильники про самих себя, смонтировали из этого добра на час двадцать пронзительную ленту про любовь на Дону. Там, в этом фильме, гопота обоих полов пытается, но не может выразить ощущение своих «отношений», а потому прибегает исключительно к мату. То есть у них мат – не язык, а такой лингвистический транспорт чувств. Сильная получилась вещь.

Да, гопников на пышных грязных улицах было полно, я такой прекрасной аутентичной гопоты нигде не встречал и

чувствовал себя совершенно как в кино.

То есть все же могут наши города отличаться друг от друга, если захотят.

Хотя я, летя в Ростов, надеялся все же не на такое отличие.

2013

КОММЕНТАРИЙ

С режиссером-документалистом Павлом Костомаровым (как оператор он снимал, например, игровые фильмы «Как я провел этим летом» и «Пока ночь не разлучит») я познакомился годом спустя, в Петербурге, в здании знаменитых Двенадцати коллегий Петербургского университета, — на открытии киноклуба фестиваля «Послание к человеку».

Нынешний ренессанс российского документального кино — это такой же результат работы российской матрицы 2000-х, как и провал игрового. Большое игровое кино провалилось, потому что, грубо говоря, там требуется за деньги Родину любить, да еще и приносить прибыль. А документальное кино, где никаких денег нет, но где свободы залейся, взлетело как раз на бесплатной любви — к своей работе, к своему герою, к эксперименту (потому что, когда денег нет, поневоле приходится экспериментировать с новыми, финансово малозатратными, техниками).

В общем, посмотрев костомаровские «Дикий пляж. Жар

нежных» и «Я тебя люблю», я уже вполне был в Павла влюблен. А познакомившись и посмотрев на открытии клуба «Мать», втюрился вообще по уши. Особенно после того, как Костомарова спросили, отчего это он снимает фильмы про одну гопоту и быдло, а он ответил:

– Ну, а герои Достоевского-то были кто? В ваших категориях получается – сплошное быдло и гопота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.